

За окном кружила неистовая метель, но в комнате было тепло и уютно, словно в погожий мартовский день.

Юй Уцюэ ворвался внутрь, принес с собой шлейф морозного воздуха. Обувь его промокла от талого снега, одежда отсырела, и он неловко замер у порога, не решаясь ступить дальше. Больше всего он боялся наследить в покоях шицзуня и тут же вылететь обратно на улицу.

Впрочем, Хэ Бугую, призвавшему его, не было до юноши никакого дела. Накинув легкое одеяние, он сидел на постели, скрестив ноги, и увлеченно читал. Тусклое пламя свечи мягко озаряло половину его лица, на котором наконец-то проступил здоровый румянец. Заметив это, Уцюэ облегченно вздохнул.

Почувствовав, что гость не двигается с места, Хэ Бугуй лениво приподнял веки:

— И чего ты на меня уставился?

Юй Уцюэ, теребя край промокнувшего рукава, поспешил найти благовидный предлог:

— Шицзунь, во Вратах Сюаньцзе все комнаты забиты под завязку. Тинфан с приятелем и так спят на полу, если я к ним втиснусь, будет совсем не повернуться. Разрешите мне постелить себе здесь, на полу?

— Не разрешаю, — без тени эмоций отрезал Хэ Бугуй.

— Ох... — разочарованно протянул Уцюэ. — Тогда я пойду поищу место на улице...

Хэ Бугуй поудобнее перехватил книгу:

— И зачем мерзнуть на улице, когда здесь есть нормальная постель?

«Что он имеет в виду? Спать вместе с ним?»

Глаза Уцюэ мгновенно вспыхнули радостным огнем:

— Ваш ученик спит очень беспокойно, ворочается. Вдруг я случайно задену вас во сне или потесню, шицзунь?

— С чего ты взял, что я собираюсь спать с тобой в одной постели? — искренне изумился Хэ Бугуй.

В этот момент дверь отворилась, и вошел Кунчжи. Услышав их препирательства, он мягко

улыбнулся:

— Молодой господин, для вас уже приготовили мягкую кушетку, я сейчас всё постелю. А пока оботритесь с дороги и садитесь ужинать.

Пышущие паром рисовые пироги и вонтоны только-только сняли с огня, к ним Кунчжи заботливо добавил целых пять жареных яиц. А чтобы юноша спал крепче и не мучился бессонницей от крепкого вечернего чая, слуга приготовил для него пиалу теплого молока.

Уцюэ не смыкал глаз всю прошлую ночь, а днем только и делал, что хлопотал вокруг приболевшего шицзуня: бегал за лекарствами, готовил отвары. После изнурительной тренировки, затянувшейся допоздна, он проголодался так, что живот подвело. Не теряя времени, он принялся за еду и в мгновение ока опустошил все тарелки, словно ураган.

После сытного ужина он с огромным удовольствием погрузился в бадью с горячей водой прямо в комнате.

Когда разгоряченный, благоухающий чистотой Уцюэ вышел за ширму, Хэ Бугуй всё так же бодро сидел на постели с книгой в руках. Временное ложе, устроенное для юноши, сиротливо пустовало у противоположной стены. Уцюэ решительно подошел к изголовью учителя и задул одну из свечей.

— Шицзунь, пора отдыхать. Дочитаете завтра, — мягко, но настойчиво произнес он.

— Я не хочу спать, — буркнул Хэ Бугуй.

— Завтра нам предстоит долгая дорога.

— Всё равно не усну.

Уцюэ бесцеремонно вырвал книгу из его рук. Хэ Бугуй в возмущении хлопнул ладонью по покрывалу:

— Ты совсем от рук отбился! С каждым днем всё наглее!

Спрятав свиток за спину, Уцюэ с самым благочестивым и невозмутимым видом ответил:

— Раз уж шицзунь занемог, ему следует слушаться лекарей и своего преданного ученика. Если не уснете сейчас, завтра весь день будете клевать носом. Так недолго и вовсе превратиться в ночную сову.

Хэ Бугуй попытался отобрать книгу силой, но дотянуться не смог и пустил в ход невидимые нити марионеточника. Однако ночью у шицзуня не оставалось ни капли духовной энергии. Почувствовав это, Уцюэ шутливо принял вызов: он ловко уворачивался, заставляя свиток описывать в воздухе немыслимые кульбиты, пока тот, описав дугу, с идеальной точностью не угодил прямоком в жаровню с углями.

Бумага мгновенно вспыхнула, и через секунду от книги осталась лишь горстка пепла. Теперь читать действительно было нечего.

У Хэ Бугуя от возмущения перехватило дыхание. Стиснув зубы, он процедил сквозь зубы:

— Юй! У! Цюэ!

Осознав, что шалость зашла слишком далеко, Уцюэ поспешил покаяться:

— Я куплю вам новую, точно такую же! Шицзунь, не сердитесь. Ну сгорела и сгорела, зато теперь точно ляжете спать. Подумаешь, какая-то безделица, разве она может сравниться со здоровьем моего дорогого учителя?

Мало того что его отчитали как мальчишку, так еще и новенький роман, купленный только сегодня, превратился в прах. Хэ Бугуй искренне не понимал, зачем вообще завел себе ученика. Лезет во все дела, садится на шею... Да лучше бы выгнал его обратно на мороз тренироваться с мечом! Какое ему дело, замерзнет этот негодник или останется голодным?

— Не суй нос не в свои дела! — в сердцах бросил Хэ Бугуй.

Уцюэ слегка обиженно пробормотал:

— Но ведь вы для меня не чужой человек.

Пожалуй, в этом и заключалась главная сложность искренней привязанности.

Хэ Бугуй слишком долго жил в одиночестве. Он привык полагаться только на себя и терпеть любые лишения без лишних слов. К собственному телу он относился наплевательски: если голодал, мерз или заболел, то просто пускал всё на самотек. Какая разница? Стоило взойти солнцу, как духовные силы возвращались, и все недуги отступали сами собой.

Но теперь рядом появился человек, который физически не мог безучастно смотреть, как учитель медленно себя губит. Хэ Бугуй терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в его жизнь, но в то же время прекрасно понимал: забота Уцюэ идет от самого сердца.

Это одновременно раздражало и трогало до глубины души. Даже позлиться толком не

получалось. Раздосадованный Хэ Бугуй с головой зарылся в одеяло, повернувшись к ученику спиной, и сердито зажмурился.

Уцюэ аккуратно положил обгоревшую обложку на стол, задул последнюю свечу и улегся на кушетку. В тишине то и дело раздавался шорох — Хэ Бугуй беспокойно ворочался, явно страдаая от бессонницы из-за дневного сна.

Уцюэ осенила мысль:

— Шицзунь, не хотите послушать сказку? Под мои истории вы быстро уснете.

— Нет, — донеслось из-под одеяла.

— Ну тогда я начинаю.

— ... Я же сказал, что не хочу.

— В некотором царстве, в некотором государстве стояла гора Цяньянь. Была она соткана из самоцветов, и вот однажды с громким треском из скалы посыпались крошечные нефритовые человечки...

— ...

— Всех этих человечков звали одинаково — Уцюэ. Больше всего на свете малютки Уцюэ любили плавать в огненном озере у подножия горы. Вода там буквально кипела, и, ныряя туда, они постепенно сплавлялись в единое целое. Но в один прекрасный день кто-то пришел и выловил их из озера поодиночке...

Рассказ оборвался на самом интересном месте. Хэ Бугуй честно пытался молчать, но любопытство взяло верх, и он не выдержал:

— Ну и? Что было дальше?

— Ой, шицзунь, вы же вроде не хотели слушать? — притворно удивился Уцюэ.

— Не хочешь — не рассказывай, больно надо.

— Расскажу, конечно расскажу! Так вот, утащили наших малюток на Железную гору. Уж не знаю, почему она железная, но по устройству она точь-в-точь как гора Алого Золота — со всех сторон полыхает пламя. В таком жару сплавляться куда легче и быстрее.

Уцюэ снова замолчал. Потеряв всякое терпение, Хэ Бугуй рявкнул:

— Ты собираешься нормально рассказывать или издеваешься надо мной?!

«Сначала притворяется, что ему неинтересно, а теперь торопит. Откуда у меня готовые сказки? Приходится ведь сочинять на ходу!»

Лихорадочно соображая, Уцюэ продолжил:

— И вот, когда маленькие человечки наконец слились в одно существо, над ущельем простерлась длань великана. Словно коршун, рука ринулась вниз и мертвой хваткой вцепилась ему в горло... Шицзунь, угадайте, что произошло дальше?

Если бы не изнуряющая бессонница, Хэ Бугуй ни за что не стал бы подыгрывать глупому мальчишке.

— И что же? — недовольно буркнул он.

Уцюэ зловещим шепотом произнес:

— Он... сорвал с него черепную коробку!

«Какая чушь».

Хэ Бугуй поморщился и едко заметил:

— Реши ты зарабатывать на жизнь сочинительством, не прошло бы и месяца, как пошел бы по миру с протянутой рукой.

— Да я и не придумывал ничего! — горячо возразил Уцюэ. — Это всё мои сны. Я просто рассказываю то, что удалось вспомнить. Ну как, жутковато звучит?

Жуткого в этом сумбурном рассказе не было ровным счетом ничего. Но если мальчику действительно снились подобные вещи, это заслуживало внимания.

Хэ Бугуй снисходительно вздохнул:

— Ладно, от твоего кошмара меня и впрямь в сон клонит. Валяй дальше.

Ночь тянулась бесконечно. Уцюэ изо всех сил ворошил память, вытаскивая на свет божий

обрывки сонных видений. Под конец он иссяк настолько, что готов был провалиться сквозь землю или прямо сейчас заснуть, лишь бы раздобыть в царстве грез новые подробности. Глаза слипались, веки налились свинцом.

«Всё, больше ничего выдавить из себя не смогу. Пожалуйста, давайте спать...»

— Шицзунь... — еле слышно прошептал он. — Что вам еще рассказать?

Ответа не последовало. В полумраке комнаты раздавалось лишь ровное, глубокое дыхание Хэ Бугуя — тот уже давно крепко спал. Облегченно вздохнув, Уцюэ уронил голову на подушку и мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Наутро снегопад утих.

Лин Сяо поднялся ни свет ни заря. Стоило ему распахнуть ставни, как он так и замер у окна: внизу, на засыпанном снегом подворье, стремительно мелькал силуэт с мечом.

— Уцюэ! — опешил он. — Ты же вчера весь вечер мечом махал! Чего в такую рань подорвался? Тебя укусил кто-то?

— Я обрел просветление! — донесся снизу бодрый голос.

— Скорее, белены объелся, — заспанно проворчал Юэ Тинфан, появляясь в окне со взъерошенной шевелюрой. — Помню, как бабушка Гуань Ся лупила тебя нещадно, а ты всё равно забивал на тренировки. А тут стоило спуститься с горы, как в тебе проснулся великий мастер. Точно головой ударился.

При упоминании лекарств Лин Сяо спохватился и принялся торопливо одеваться:

— Совсем забыл! Мне же нужно приготовить отвар для Бессмертного Тайвэя. Побегу на кухню.

Уцюэ окликнул его со двора:

— Не суетись, брат Сяо! Я всё еще на рассвете заварил. Если будет время, лучше приготовь мне несколько флаконов с пилюлями от простуды, возьму их с собой в дорогу.

Лин Сяо тепло улыбнулся:

— Надо же, наш Уцюэ стал таким заботливым. Хорошо, сейчас всё сделаю.

Юэ Тинфан, сладко зевнув, понаблюдал за отточенными выпадами друга и сокрушенно

покачал головой:

— И ради кого ты тут распинаешься? Бессмертный Тайвэй еще десятый сон видит. Твои старания никто не оценит.

— Я делом занят, в отличие от некоторых подлиз вроде тебя, — не остался в долгу Уцюэ.

У Цинлань, сидевший перед зеркалом, аккуратно подвел брови сурьмой и задумчиво протянул:

— Пока я целый час наводил красоту, он без усталости махал мечом. Похоже, парень взялся за ум всерьез. Брат Юэ, раньше его владение клинком уступало твоему, но сегодня я вижу поразительный скачок. Еще пара дней таких тренировок, и он оставит тебя далеко позади.

Юэ Тинфан от возмущения чуть не поперхнулся:

— Что?! Ну уж нет! Если он станет сильнее, как я смогу зваться его старшим братом? Неси мой меч!

С самого утра во дворе поднялся невообразимый шум. Клинки со звоном сталкивались, высекая искры. Уцюэ, который всегда уступал другу в мастерстве, сегодня держался на равных. Они бились на износ, и лишь когда Тинфан задействовал секретные техники Обители Высшей Чистоты, преимущество склонилось на его сторону. Уцюэ не хватало реального боевого опыта, иначе исход поединка предсказать было бы невозможно.

В разгар боя в соседнем флигеле со скрипом отворилось окно. Уцюэ мгновенно опустил меч и с сияющей улыбкой крикнул:

— Шицзунь, вы уже проснулись! Чего изволите на завтрак?

Из окна высунулся Кунчжи:

— Господин велел передать, чтобы все спускались к общему столу. Вам, молодой господин, готовить ничего не нужно. На улице мороз, поскорее зайдите в дом и переоденьтесь в сухое.

Юэ Тинфан ухватил друга за плечо:

— Ты сам готовишь завтрак? Почему меня не спросил, голоден ли я?

Уцюэ покосился на него:

— А ты будешь?

— Конечно буду! Приготовишь?

— Не-а.

Юэ Тинфан в шутку пихнул его в бок:

— Ах ты предатель! И после этого мы братья?

Уцюэ приобнял его за плечи, увлекая в дом:

— Ну чего ты мелочишься? Нашел с кем себя сравнивать. Разве это одно и то же?

— А в чем разница?

— Так то же мой шицзунь!

— Что-то я не припомню, чтобы ты у плиты ради Истинного человека Чансы распинался, — хмыкнул Тинфан.

«Сравнил тоже!»

Истинный человек Чансы никогда не капризничал и в еде разборчивостью не отличался. Ложась с первыми звездами, на рассвете делал зарядку, круглый год пил целебные отвары да парил ноги перед сном. А Хэ Бугуй? Характер как у малого дитя: если спать не хочется — будет мучить себя до рассвета, еда не по нраву — предпочтет ходить голодным. За таким глаз да глаз нужен!

Уцюэ отмахнулся:

— Ничего ты не понимаешь!

За завтраком молодые люди чувствовали себя крайне неловко — им впервые довелось сидеть за одним столом с самим Бессмертным Тайвэем. Все притихли, боясь издать лишний звук. Лин Лань и Лин Сяо замороженно созерцали дымящиеся бамбуковые корзинки с сяолунбао, изредка переглядываясь, но заговорить первым никто не решался.

О том, что Лин Лань похитили люди из Зала Яростных Ласточек, уже знали все. Но зачем им так срочно понадобился Лин Сы? И по какой причине сцепились Врата Сюаньцзе и Храм Кровавой Бездны? На эти вопросы ни у кого не было ответов. Сам Уцюэ на любые расспросы лишь растерянно разводил руками. Он упорно молчал и о том, где они с учителем провели всю ночь и почему великий старейшина вернулся настолько ослабленным.

Тем не менее Бессмертный Тайвэй подхватил простуду именно из-за Лин Лань. Девушка нарушила устав, тайно покинув гору ради поисков отца, попала в ловушку, а затем втянула в смертельную опасность остальных. Виноваты были все четверо, и теперь каждый лихорадочно соображал, как вымолить прощение у грозного старейшины.

Лин Лань отставила пиалу и поднялась со своего места:

— Бессмертный Тайвэй, я признаю свою вину. Прошу вас наказать меня по всей строгости.

— И нас тоже!

Лин Сяо и Юэ Тинфан поспешно вскочили следом, понижая опустив головы. У Цинланю, который только-только изящно подцепил палочками тонкое тесто пирожка, тоже пришлось встать. Он замер, растерянно переводя взгляд с одного на другого.

Уцюэ тоже резко поднялся, решив не отставать от товарищей.

Хэ Бугуй смерил его ледяным взглядом:

— А ты-то куда лезешь?

— Ваш ученик знал обо всем заранее, но скрыл это от вас. Я виновен в укрывательстве, шицзунь!

Хэ Бугуй мысленно хмыкнул. Ему ли не знать повадки своего ученика? Мальчишка испугался, что на его друзей обрушится гнев старейшины, и вновь решил поиграть в спасителя, подставив собственную грудь под удар. Пользуется тем, что учитель ни за что не станет его наказывать. Слишком уж быстро он сел ему на шею.

Хэ Бугуй закатил глаза:

— С твоим соучастием мы разберемся позже. А что касается остальных...

Уцюэ умоляюще сложил ладони:

— Шицзунь...

Но Хэ Бугуй не собирался тратить силы на препирательства с молодежью.

— Садитесь и ешьте, — приказал он. — Закончите — Кунчжи проводит вас до подножия горы. Я уже направил весточку Му Цинцзюню. Напишите, что прибыли сюда по моему поручению —

забрать партию товара. На этом всё, лишних расспросов не будет.

Уцюэ заговорщически подмигнул Лин Сяо, безмолвно сообщая: «Гроза миновала!»

— Благодарим за милость, Бессмертный Тайвэй, — поклонился Лин Сяо.

Лин Лань нерешительно спросила:

— А как же... мой отец? Где он теперь?

— Его след потерян, — Хэ Бугуй заметил, как задрожали ее губы, и ровным голосом добавил: — Каждый сам выбирает свой путь и пожинает плоды. Если вы с Лин Сяо действительно хотите возродить секту Юйлин, для начала научитесь беречь собственные жизни.

— Да... Вы правы. Я вела себя глупо, — тихо вымолвила Лин Лань.

Хэ Бугуй окинул присутствующих строгим взглядом:

— Чтобы это было в последний раз.

— Обещаем! Мы немедленно вернемся в обитель и больше не причиним вам беспокойства, — хором отозвались ученики.

После завтрака пришло время собираться в путь.

Кунчжи отправился сопровождать юношей обратно, так что забота о повозке легла на плечи Уцюэ. Без верных марионеток-слуг ему приходилось самому решать все бытовые вопросы: от готовки до ночлега. В редкие минуты отдыха Хэ Бугуй не упускал возможности проверить его успехи в изучении техник. Несмотря на валящую с ног усталость, Уцюэ сиял от счастья каждый раз, когда суровый наставник скупой кивал в знак одобрения.

Спустя три дня пути они наконец достигли подножия Горы Безмерности. Лошади наотрез отказались идти дальше, испуганно пятась назад. Привязав повозку к дереву на опушке, Уцюэ взвалил на спину дорожные мешки, и они вместе с учителем начали пешее восхождение.

Узкая тропа, изобилующая крутыми ухабами и острыми камнями, змеей уходила под самые облака. После нескольких часов изнурительного подъема Уцюэ нашел плоский валун, на который усадил перевести дух уставшего Хэ Бугуя. Сам же юноша отправился к протекавшему неподалеку ручью за водой, решив заодно осмотреть окрестности на предмет засад.

Странно: воздух буквально вибрировал от колоссальной концентрации духовной энергии.

Защитные барьеры то и дело отзывались натужным, давящим на уши гулом, но за всё время пути на них никто так и не напал.

Вдруг тишину ущелья вновь прорезал резкий металлический звон. На этот раз он не затих, а эхом покатился по склонам. Почувяв неладное, Уцюэ наполнил флягу и поспешил обратно к Хэ Бугуй.

— Шицзунь, вы слышали этот странный гул? Я...

Уцюэ застыл как вкопанный, так и не закончив фразу.

Хэ Бугуй по-прежнему сидел на валуне, но прямо за его спиной высились пять черных фигур. Они напоминали комья жирной, лоснящейся грязи, медленно вздымающиеся из-под земли. Черная жижа стекала с них на каменистую почву плотными, вязкими каплями. Эти существа, уже обретшие смутные человеческие очертания, безмолвно и мертвой хваткой вцепились в подол светлых одежд старейшины.

Сам Хэ Бугуй не делал ни малейшей попытки высвободиться.

С тихим свистом Уцюэ обнажил клинок.

— Не подходи, — бесцветным, лишенным сил голосом скомандовал Хэ Бугуй, не оборачиваясь.
— Стой там. Сначала осмотришь, нет ли чего подобного рядом с тобой.

— Вокруг меня пусто! — взволнованно крикнул Уцюэ, лихорадочно оглядываясь. — Что это за твари? Почему они набросились на вас, а меня не замечают? Отойдите от них, они же хватают вас!

— Не бойся, они порождены моим собственным разумом, — Хэ Бугуй медленно повернул голову.

Его пальцы нерешительно коснулись скользкой черной глины на плече одного из чудовищ. В глазах старейшины отразилась такая невыносимая боль и сострадание, что у Уцюэ сжалось сердце. Напрягая остатки воли, Хэ Бугуй тихо пояснил:

— В буддийском учении есть три ступени познания: познать себя, познать мир и познать всё сущее. Юй Уцюэ, Обитель Безмерности встречает гостей испытанием первой ступени — «Познанием себя». Твое сердце чисто, мысли безгрешны, а помыслы не ведают корысти, поэтому твои демоны еще не обрели плоть.

Хэ Бугуй осторожно переплел пальцы с вязкой, бесформенной лапой черной твари. Из его груди вырвался тяжелый вздох:

— Мою же душу терзают сонмы внутренних демонов. Познать себя для меня означает навеки погрузиться в пучину невыносимой скорби.

Угольно-черная жижа начала медленно наползать на ладонь учителя, затягивая его руку в свое липкое нутро.

— Шицзунь, берегитесь! — вскричал Уцюэ.

Он ринулся вперед, занося клинок для сокрушительного удара. Но в этот миг Хэ Бугуй заворуженно уставился в пустое, лишенное глаз лицо черного монстра и сдавленным, полным детского отчаяния голосом прошептал:

— Шифу... неужели ты... решил отречься от меня?

<http://bllate.org/book/20165/2214769>